

ГЕОГРАФИЯ УТОПИИ В ПОВЕСТИ А. П. ПЛАТОНОВА "КОТЛОВАН"

Литературные произведения отличаются друг от друга в первую очередь не по тем изображаемым объектам, которые содержатся в них: в большинстве романов, рассказов и т.п. мы встречаем те же поля и леса, те же дома и дороги, тех же людей и животных. То, что больше всего отличает одно сочинение от другого - само сочетание разных предметов, структура изображаемого мира. Понятие "структура" связано, с одной стороны, с иерархической упорядоченностью произведения, которая в свою очередь соотносится с оценочной системой, а с другой - с понятием "граница". Ведь мир для человека являет собой не нечто цельное, неразделимое - мы сразу различаем поля, леса, дома и т.д. Многие из черт, проходящих через внешний мир и делающих его доступным нам, кажутся нам очевидными, но встреча с другой культурой нередко показывает нам, что дела обстоят иначе: то, что мы считаем фактом природы, на самом деле является результатом определенного культурного процесса. Граница - часть данной культуры, и чем теснее предметы и понятия связаны с культурой (а не с природой), тем сильнее и зависимость границ от культуры. Если граница, разделяющая понятия "гора" и "долина", относительно тверда в разных культурах, то черта, проходящая между "добром" и "злом", "честью" и "срамом" в том или ином социуме может иметь совершенно другую форму. Мало того, сама отчетливость данной границы в двух разных культурах может быть неодинаковой.

Странность мира, изображаемого в произведениях Андрея Платонова, отмечается почти всеми, кто пишет о нем. Многие останавливаются на его языке, в котором те законы (т.е. границы), которые в обычном русском литературном языке регулируют сочетание слов и синтагм, не соблюдаются. Но то же несоблюдение общепринятых (в европейской культуре) границ можно обнаружить и на других уровнях текста; обстоятельство, которое часто связывается с утопическим элементом, наличествующим во многих сочинениях Платонова независимо от их определения как "утопических", "дистопических" или даже явно "антиутопических". Ведь утопия есть мечта об обретении или создании мира, коренным образом отличающегося от настоящего.

Самые важные границы, структурирующие действительность, касаются самого человека, отделяют его от других существ и предметов, разделяют живых и мертвых, определяют разные категории людей. Нетрудно установить, что у Платонова эти границы проходят не по тем линиям, к которым привыкли читатели, в особенности это относится к черте, отделяющей жизнь и смерть.

Как раз о роли смерти в произведениях Платонова написано немало, что не может вызывать удивление, если принять во внимание частоту смертных случаев в его произведениях. Но речь идет не только о смерти самой по себе, а о смерти в ее связи с жизнью. Поскольку преодоление смерти является составной частью - хотя иногда в скрытом виде - большинства утопий, то именно особое соотношение смерти с жизнью является их характерной чертой. Уже христианство, которое содержит несомненно утопическое начало, учит, что верующих в Христа "не умрет вовек" (Ип. И.26), но в то же время, что "вы умерли, и жизнь ваша сокрыта со Христом в Боге" (Кол. 3.3). Впрочем, перечень высказываний Библии о смерти и жизни, резко нарушающих привычное представление о них, может быть весьма длинным.

Марксизм в общем, а в особенности его советская разновидность, вел ожесточенную борьбу с религией и резко отвергал любые намеки на структурное сходство марксистской идеологии с христианством - намеки, которые стали появляться довольно рано. У Платонова в его повести "Котлован" такое сходство бросается в глаза.

Как в христианстве, так и в советском обществе, изображаемом Платоновым, смерть является не только окончанием каждой отдельной жизни, но и всеохватывающим событием, наделенном богатой символической нагрузкой, вследствие чего кончина того или другого человека может отступить на задний план, заменяться общим апокалиптическим настроением. Таким образом, для христианина принципиально безразлично, жив ли, мертв ли он: "А живем ли, для Господа живем; умираем ли, для Господа умираем. И потому, живем ли, или умираем, всегда Господни" (Рим. 14.8), говорит апостол Павел. У Платонова дела на первый взгляд обстоят иначе, но если внимательнее всмотреться в повесть "Котлован", то мы увидим, что и там смерть того или другого лица - совершенно обыденное событие, не вызывающее никакого шума, даже горя. Люди то и дело умирают - или убивают, не изъявляя никаких чувств: им, кажется, это безразлично. Зато произведение (впрочем, как и большой роман "Чевенгур") пронизано всеохватывающим ощущением, не маленькой, личной смерти, а большой, общей - смерти апокалиптической, конца жизни вообще. Правда, заканчивается сначала лишь старая, общая для всех жизнь и предусматривается новая, лучшая жизнь для избранных - жизнь, никогда не кончающаяся. Тут сходство с эсхатологическими представлениями христианства налицо, но в то же время обнаруживается глубокая разница: та вечная жизнь, которая в Библии обещается в потустороннем мире или на новой земле, в нашем мире у Платонова оборачивается смертью. В "Котловане" и "Чевенгуре" умирают не только буржуи, кулаки и прочие представители старого, отжившего мира, но и сами пролетарии. В первом из этих сочинений судьба людей будущего символически содержится в смерти девочки Насти, на кого возлагается вся надежда землекопов-пролетариев. Правда, имя этой девочки намечает две

противоположных линии возможного дальнейшего развития: или смерть самого Воскресения (Анастасии) уничтожает всякую надежду на жизнь в будущем, или имя Анастасия - предвестие - может быть, даже залог - грядущего воскресения. Но Платонов заканчивает свою повесть кончиной и похоронамималенькой Насти, ничем не подкрепляя надежды на воскресение.

Тема "жизнь и смерть", однако, не исчерпывается описанием самой смерти, будь она случайной или предусмотренной, частной или общей. Дело в том, что сам язык становится двусмысленным: когда инженер Прушевский говорит о башне, "куда пойдут на вечное, счастливое поселение трудящиеся всей земли", когда Вошев мечтает о том, что "будущий человек найдет себе покой в этом прочном доме", то "вечное, счастливое поселенце" представляет собой эвфемизм смерти, как и "прочный дом" - могилы¹. Оказывается, что не только действительность трансформируется при перенесении с неба на землю; и тот язык, который применяется для описания потусторонней жизни, при изображении посюсторонней, земной жизни оборачивается серией эвфемизмов смерти.

Ослаблением привычной границы, отделяющей живых людей от покойников, и возникновение новой черты, проходящей как среди мертвых, так и живых, и предопределяющей смерть или жизнь людей на другом уровне, роднят повесть не только с Библией, но и с другими литературными произведениями, в которых отражается утопический образ мышления. Таким образом, в известном романе Евгения Замятина "Мы", где уже претворилось в действительность утопическое общество, это состояние достигнуто огромной ценой, повальной смертью: двухсотлетнюю войну, предшествовавшую учреждению Единого Государства, пережило лишь 0,2 % населения земного шара. Жизнь в этом "идеальном", стопроцентно рационально построенном Едином Государстве носит тот же двусмысленный характер по отношению к смерти, что и "вечное, счастливое поселение" в башне "трудящихся" в "Котловане" (где они, разумеется, никогда не будут трудиться): "И зато эти ноль целых и две десятых вкусили блаженство в чертогах Единого Государства". Опять эти эвфемизмы смерти! И далее: "Идеал (это ясно) там, где уже ничего не случается".

Появление границы, проходящей среди человечества, сопровождается у Платонова размыванием границы между людьми и животными. Это явление мы наблюдаем как у крестьян, т.е. у представителей старого мира в повести, так и у рабочих, представителей наступающей эры, которые принимают медведя Мишу в свою организацию. Уже "организованные" лошади ведут себя точно как идеальные члены колхоза. Это стирание границы между человеком и животным выполняет в повести, как нам кажется, несколько функций, но тут мы выделим только одну из них, связанную как раз с уже упомянутой чертой, разделяющей человечество на две части: именно контрастом эта вторая, стертая граница подчеркивает неестественность идеологически обоснованной

первой границы. Эта же неестественность усиливается и за счет ненатурального, человекоподобного поведения коней-колхозников и медведя-молотобойца, тогда как отношение крестьян к своим лошадям и прочему скоту скорее удивляет своей теплотой, эмоциональностью - знаком их изначального, тесного сосуществования в природных условиях.

Отношение человека к животному, напоминающее положение в "Котловане" (и вообще у Платонова), мы не находим в романе Замятина, в котором действие перенесено в далекое будущее, где уже проведена полная организация рациональной жизни, исключающей общение с животным миром. Интересно, что подобное будущее мерещится и правдоискателю Вошеву а "Котловане": "здесь будет дом, в нем будут храниться люди от невзгоды и бросать крошки из окон живущим снаружи птицам".

О границе, отделяющей людей, достигших перехода в новую жизнь, от всего прочего, уже шла речь. Граница эта у Платонова, как у многих других носителей утопического образа мышления, находит и конкретное, вещественное воплощение: стену, охраняющую людей, живущих упорядоченной жизнью внутри дома-башни, от внешнего хаотического мира. Библейский прообраз этого мотива налицо, лишь с той оговоркой, что функцию платоновского дома выполняет город (ведь как дом, так и город - огороженное место): Новый Иерусалим, который "имеет большую и высокую стену" (Откр. 21.12) и куда не войдет "ничто нечистое" (Откр. 21.27).

Такую же чуткую, материальную границу, отделяющую упорядоченный ("чистый") мир от стихийного ("нечистого"), цивилизацию от природы, мы находим и у Замятина, где пространство, занятое Единым Государством, обнесено Зеленой Стеной. Жизнь за этой стеной, безусловно городской, и светлые, стеклянные здания огороженной площади напоминает Горний Иерусалим, чье светило "подобно драгоценнейшему камню, как бы камню яспису кристалловидному" (Откр. 21.11). Жизнь в Едином Государстве блаженно, если верить словам повествователя Д-503, но что это блаженство - жгучая ирония, поняли и советские власти, объявляя "Мы" "зловным памфлетом на Советское государство"². У Замятина действует тот же закон, что и у Платонова: язык жизни на небесах превращается на земле в язык смерти.

Общепролетарский дом в "Котловане" и его преемник, всемерную башню, чаще всего сравнивают не с Новым Иерусалимом, а с другим библейским сооружением: с Вавилонской башней³. Второе, однако, не исключает первого, ибо сама Вавилонская башня воспринимается как некое земное подобие небесного здания ("высотой до небес"), нечто сверхчеловечное, за что Бог и разрушил ее. Примечательно также, что в Библии (Быт. 11.1-9) башня упоминается вместе с городом, тем самым как бы соединяя два разных воплощения "огороженного места" в "Котловане" и "мы".

В один ряд с городом и башней входит и космический корабль Замятина "Интеграл", который, наравне с Вавилонским столпом, представляет собой средство для достижения небесных высот. Являясь "стеклянным электрическим, огнедышащим", "Интеграл" перекликается не только с "белыми, спокойными зданиями, светящимися больше, чем было снега в воздухе", но и с хрустальным дворцом у Достоевского, фаланстерами Чернышевского и фурьеристов - и кристаллоподобным светилом небесного града. В "Котловане", где медведь кует железо, разумеется, никакого космического корабля нет, но тем не менее есть стремление ввысь, к звездам; Вошен ждет время, "когда там (т.е. в Млечном Пути) будет вынесена резолюция о прекращении вечности времени". Революция должна быть всемирной в самом широком смысле слова.

Итак, мы видим, что утопическое состояние, с одной стороны, является всеобъемлющим, - смываются границы, до того казавшиеся непреодолимыми. Но, с другой стороны, возникают границы там, где их раньше не было, или где их значение было незначительным. Самое интересное, пожалуй, то обстоятельство, что чертеж утопического мира является таким постоянным в головах разных утопистов (и антиутопистов).

¹ Пастушенко Ю. Поэтика смерти в повести "Котлован" // "Страна философов" Андрея Платонова: проблемы творчества. Вып. 2. М., 1995. С.192.

² Михайлов ОМ. Замятин // Краткая литературная энциклопедия. Т.2. М., 1994. Стлб. 987.

³ См., например: Гюнтер Х. Котлован и Вавилонская башня // "Страна философов" Андрея Платонова. Вып 2 С.145-151.